

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ О МАЛЬЧИКЕ

Илья Чумак

И надо же Володе родиться в этом краю! Чего стоили одни песни о нем:

Колыма, Колыма,
Злая мачеха...

Пели бы их, эти невеселые песни, да хотя бы не плакали. А то же ведь плачут.

Правда, у папы Володя слез не запомнил, но у мамы... У бедной мамы они в такие минуты катятся по щекам прямо градом.

Володе пошел тринадцатый год, а вот и сейчас он не может понять, почему его родной край называют злой мачехой. Кого он только ни спрашивал об этом, а полной ясности так и не добился. Все отвечают тем же несурзным, что и поют в своих песнях: двенадцать месяцев зима, остальное лето...

Вот и стал Володя безразличен к тому разговору, который изо дня в день вели его родители. Хватит жить на Колыме — пришла пора вернуться домой. Надо хоть на старости опять пожить в родных местах. Шутка ли — в разлуке с ними без малого двадцать лет. Там, наверное, их уже и позабыли. Думают, давно сгинули. Ведь не по своей воле оказались здесь, на Колыме. Судьба-судьбина тому виной, она одна.

Что это за судьба-судьбина была когда-то у родителей, Володя уже слышал. Проговорилась сама мама. Были годы, было время, когда привозили сюда людей под строгой охраной. Чтобы они не разбрелись по тайге, не вернулись назад, их со всех сторон огораживали колючей проволокой. Мужчин в одном месте,

женщин — в другом. И этому можно верить: рваная колючая проволока до сих пор валяется невдалеке от прииска. Из-за нее не выберешь ни одного склона для лихого спуска на лыжах. Штаны почти у каждого на заплатах: как ни старайся, а все равно она, проклятая, зацепит тебя на неудержимом присесте.

Конечно, расставаться со своей школой и со своими друзьями Володе горько и больно — ведь он покидает прииск не на какое-то время, а навсегда, — но, если признаться, он рад тому, что решили родители. Знал бы кто из ребят, что его ждет впереди! Папа, тот почему-то в последнее время стал скучным и молчаливым, но мама целыми днями рассказывает и рассказывает. Сперва они поедут на катере по реке Колыме, потом в городе Магадане переседут на огромный белый корабль, у которого одна палуба больше, чем приисковый стадион, а когда причалят к берегу «материка», сядут на поезд. И что только не встретится Володе в этой дальней-предальной дороге! Он своими глазами увидит Охотское море, реку Амур, озеро Байкал, а там и саму Москву. И Кавказские горы увидит, когда они будут подъезжать к месту. Тут просто могла голова закружиться от всего.

Да и там, на месте, куда должны приехать родители, его ожидает много необыкновенного, волнующего и интересного. По рассказам той же мамы, их родной край совсем не похож на Колыму. Что здесь хорошего?

Куда ни взгляни, одни унылые сопки. Сопки и сопки, вечно окутанные низкими хмурыми тучами. Солнце если и покажется над ними, то вскоре снова надолго-надолго скроется за их склонами. Звезды можно

видеть в небе лишь через редкие разрывы туч. Как пролетит лето, и не заметишь — такое оно здесь невзрачное и короткое. Позвонят ручки талой водой какой-то месяц-полтора и опять превратятся в крепко скованные трескучим морозом заструги. Опять на многие дни окна застелит непроглядная тьма тоскливой тревожной полярной ночи.

А на Кавказе такого нет и в помине. Рассказывал бы об этом кто другой, а не мама, Володя мог бы еще не поверить, но ей не верить было нельзя. Там теплое солнце не покидает неба круглый год. Там все вокруг, насколько хватает взгляд, утопает в садах и виноградниках. Под крышей дома живут бело грудые ласточки, за домом в ветвях каштанов и тополей — звонко-песенные соловьи. А у окна в палисаднике — буйно цветущие георгины и розы, при одном лишь виде которых не нарадуется душа.

Словом, предстоящих скорых открытий у Володи был край непочатый, и он мог считать себя среди всех своих друзей самым счастливым. Что это именно так, подтвердилось, когда он в классе сказал, что пришел в школу последний раз. Заговорили в один голос: неужто уезжаешь на материк? Неужто не напишешь нам, как и что, не поведаешь, каков он и взаправду, тот материк? Да и что там, за нашими сопками, за нашей тайгой, за тысячи километров от нашего прииска? Задавали Володе вопросы, а у самих глаза горели от зависти.

Лишь одно омрачило его: по какой причине директор школы Олег Иванович, когда он зашел к нему в кабинет, чтобы проститься, встретил его со строго нахмуренными бровями. Не улыбнулся, не обнял, не провел ладонью по голове, как к тому давно привык Володя. Да и в голосе его не почувствовал прежней ласки.

А потом, зачем он сказал, после того, как вручил ему ученический аттестат:

— Жаль мне тебя, Володя! Знал бы ты, как жаль!

Ну зачем он это сказал?

Размышлял, однако, Володя над словами Олега Ивановича недолго. Его

жаль ему... Да нет же на то никакой причины! Его надо поздравлять, а не жалеть.

Дома все было готово к отъезду; то, что необходимо взять с собой, уложено в чемоданы и завязано в узлы, остальное распродано соседям. На прежнем месте стояли лишь лыжи.

— Значит, и их возьмем? — обрадовался Володя.

— Бери,— засмеялась мама.— Здесь никто не захотел купить, а там и подавно. Разве я тебе не говорила — прощайся с ними, сынок.

Да, об этом она уже говорила. Но тогда он не знал, что так заболит у него под ложечкой, когда придет время прощаться со своими лыжами. Засверлило там чуть не до слез. Ведь на них, на этих лыжах, Володя вырос. Зимой на них в школу и из школы; на них и в библиотеку, на них же, когда мама заставит его сбегать в аптеку, за лекарством. А в воскресенье — весь день, пока не станет совсем темно,— на них со склона Оленьей сопки он носился с таким свистящим ветром в ушах, что от восторга замирала душа.

Так просто навсегда расстаться с лыжами Володя не мог. Пусть в последний раз, но сейчас он уйдет с ними из дома. Туда, на склон Оленьей сопки. Хотя давно весна, но не растаял там еще снег. Правда, сбегать по нему вниз на лыжах уже нельзя, оттого, что Володя походит на них меж пихт и кедрового стланика, ему станет намного легче.

— Блажь,— сказала мама, когда разгадала, зачем он взял в руки лыжи.— Еще на амикана* нарвешься.

Ее предостережение было безпричинно: в такую пору мишки начинали вылезать из берлог. Их уже видели. И все-таки Володя не отказался от своего намерения. Он уверовал, что если не сделает того, что надумал, он будет жалеть об этом всю жизнь.

Только не сообразил Володя, что тот снег, который еще лежал на северном склоне Оленьей сопки, для лыж уже не пригож. Его наст оказался скользким, как лед. Не прошло и минуты, как из-под ног

* Бурый медведь

унеслась куда-то вниз, в гущу лиственниц, сперва одна, а следом за ней и другая лыжа.

По правде сказать, вторую лыжу Володя сам пустил следом за первой. Одна она никому была не нужна.

«Неужто не поведаешь, каков он, тот материк?» И рад был Володя выполнить просьбу школьных товарищей, да разве он найдет столько нужных слов. Их потребуются тысячи — так и впрямь подивил его этот материк. Об одной Москве можно исписать всю тетрадь.

В своих рассказах мама не сочинила ничего: здесь, где они поселились, и вправду все время теплое солнышко; и вправду небо всегда голубое, чистое; и то, что под окном цветы, а во дворе ласточки и соловьи — тоже правда.

Вон и сегодня Володя проснулся лишь оттого, что ослепительный солнечный зайчик заглянул ему прямо в глаза. Утро опять оказалось расчудесным, в том же золотом блеске и в том же звоне и перезвоне птиц за раскрытым окном. Вот и сегодня он после завтрака в одних трусиках убежит на речку купаться и загорать.

А там, на берегу прозрачной, как стекло, речки, у Володи уже отыскались новые друзья — Вадим и Арсен. Оба они учатся в той же школе, в которую теперь ходит и он. Эти мальчишки ему полюбились сразу. Они не придали никакого значения тому, что он чужой. И ни чуточки не посмеялись над ним, когда узнали, что он до сих пор не научился плавать.

Расставаться с ними Володя не намерен и во время летних каникул. Уже решено: как только их распустят из школы, они все с рюкзаками уйдут в горы. Путешествовать. Здешние горы — не сопки: в их ущельях таится столько чудес, сколько не может присниться даже во сне.

Узнав, что Володя на Кавказе впервые в жизни, что до этой поры он и представления не имел о здешних местах, Вадим и Арсен тут же уговорили его взобраться с ними на гору Машук. Только

на ее вершине по-настоящему можно понять, в какие края он попал. Дух перехватит. Смотри день, смотри два и все равно вдосталь не наглядишься.

Не замереть от всего того, что открылось с горы Машук перед глазами Володи, и на самом деле было невозможно. Под ногами белый-белый, почти сказочный город, вдоль и поперек расписанный красочными узорами цветочных клумб; за ними, чуть дальше на юг, переполненные солнцем озера и бесконечный лес, ближний — в яркой зелени, дальний — в нежнейшей, прозрачной, как кисея, синеве. Серебристая речная лента вьется, докуда хватит взгляд, а там — настоящие горы. На них даже радостно было глядеть — так высоко и грозно они вскинули к небу свои белокаменные громады.

— Ну, как,— спросил за спиной Вадим,— сродни это твоей Колыме?

Конечно, не сродни. С этим Володя был вполне согласен, но ответить вслух на вопрос Вадима ему не захотелось. Почему — он и сам не знал, почему. Не захотелось — и все.

Письмо своим старым приисковым друзьям Володя все же написал. Но что-то оно у него не получилось таким, каким раньше складывалось в голове. О чем только ни собирался он рассказать ребятам, а когда, наконец, засел за это письмо, как ни силился, не смог настроить его на задуманный лад. С первых строк пошли одни вопросы: кто сейчас сидит за его партией, с кем теперь дружит Колька Дорохов, поедете ли во время летних каникул, как и в прошлом году, всем классом на катере в экскурсию вверх по реке Колыме?

Словом, этих вопросов у Володи оказалось столько, что они не вместились на тех листах, которые он втайне от родителей выдрал из тетради. Чтобы сообщили, кто нашел его лыжи под откосом Оленьей сопки, он написал уже сбоку, на самой краешке последней страницы.

От зоркой и наблюдательной мамы скрыть письмо не удалось, и когда она прочла его, с явным укором сказала:

— Так уж и нужно тебе все это знать? Зови день по вечеру. Лучше бы написал, где и как ты теперь живешь. На завидку им всем.

Конечно, мама была права: обещал же Володя написать колымским друзьям про свою жизнь на материке и про этот самый материк, а вот до сих пор не выполнил их просьбы. Но почему он должен это сделать им на завидку?

— Ты еще глупенький, — засмеялась мама.— Малость подрасти надо. А то,— ее смех заполнил всю комнату,— кто сейчас сидит на твоей парте! Не все ли равно для тебя? Или свою Леночку вспомнил? Ту, конопатую, с которой все время сидел за этой партой?

Лицо у Володи запыхало. Все он мог простить маме, но такой насмешки над ним уж не простит. Не простит никогда.

* * *

...Конопатая. Она вовсе не конопатая. Это были веснушки. И что ж из того, что Володя все время сидел с ней за одной партой! Ведь чувство привязанности и благоговения к Леночке Калининой ему несколько не мешало учиться. Наоборот, благодаря их дружбе, он и стал постоянным отличником. Знала бы мама, как иной раз эта тоненькая и кудрявая девочка его выручала.

Да и вообще там друзья у Володи были лучше, чем здесь. На прииске не зазнавался никто, даже Лешка Железняков, и тот не задирает нос, хоть и приехал к ним из Ленинграда. А эти — Вадим и Арсен — они до сих пор считают его не равным себе. Как же, они ведь родились и выросли не на чужбине, а здесь, на известном всему свету Пятигорье! Думают, не понял Володя, зачем они затащили его на вершину горы Машук. Только затем, чтобы похвастаться перед ним своей родной стороной — вот, мол, она у нас какая благодатная и красивая, в отличие от твоей Колымы.

А в последнее время они оба так и стали окликать Володю: «Здоров, Колыма!» «Где так долго пропадал, Колыма?», «Эй, Колыма!» Будто он виноват в том, что появился на свет не здесь, в их краях, а там, на Крайнем Севере, за тысячи километров отсюда.

В доме все давно спали, а Володя по-прежнему лежал с открытыми глазами. Сегодня в его жизни что-то произошло. Произошло непоправимое, и чем больше вокруг устанавливалась ночная тишина, тем сильнее и сильнее это входило в его сознание. Что именно, он точно определить пока не мог, но в своем предчувствии назревающей над его головой горечи уже не сомневался.

Подтвердил это и сон. До самого утра Володю секло и гнуло каким-то холодным яростным ветром, гребни снежных застругов вставали на его дороге почти по грудь. Порой он проваливался в них с головой, не находя сил выбраться из бурелома сугробов. Чтобы спасти его, кто-то подавал ему руку, но как он ни ловчился поймать ее, так и не сумел...

* * *

В тот день из школы Володя не пошел сразу домой. Подавленное настроение не покидало его, и он побрел, сам не зная куда.

Миновал один перекресток, второй, третий, четвертый, недолго постоял на мосту через речку и побрел, побрел дальше за город.

В этих местах он еще не бывал. А надо было бы приходиться сюда каждый день. Падай в траву и сколько хочешь наслаждайся ее ласковым шелестом над головой. Хоть до сумерек, до самых звезд.

Вот теперь, если бы сумели обнаружить Володю одни лишь висящие в небе певучие жаворонки, можно было, наконец, разобраться, отчего у него так мучительно заныло под ложечкой. Что за неизбывная грусть одолела его? Откуда вдруг взялось это ощущение близкой беды? Чутьочку поссорился с мамой? Так что ж из того — разве он не ссорился с ней раньше? Да уже и не осталось на нее обиды: все прошло сразу, как только сегодня утром она потрепала его за челку и улыбнулась.

Но время шло, а никакого озарения Володя не находил и здесь. Больше того, в этом одиночестве ему стало еще тяжелее и горше. И он сам не заметил, как не удержал слез, как заплакал почти навзрыд, уронив голову на набитый книгами школьный портфель.

* * *

Вот уж не знал Володя, сколько в этот день он наделает тревоги в своем доме. В поисках его мама успела обегать весь город. После того как не нашла его ни в школе, ни у Вадима, ни у Арсена, начала звонить по телефону в милицию. «Пропал мальчик! — донеслось до его слуха еще на веранде. — Ради бога, ради бога!..»

Чтобы вовремя остановить ее, заставить положить телефонную трубку на место, Володя так хлопнул дверью, что в окнах зазвенели стекла.

— Да ты что, мама?

— А где ты шатаешься? — со злом и раздражением отозвалась мама. — Или забыл, что у тебя есть родной дом? Я с ног сбилась...

Нет, такого еще не случалось. До этого Володю никогда не искали, хотя нередко он являлся домой по своей воле. Спрашивать спрашивали, где он мог задержаться, но и слова в упрек ему не произносилось. Он не услышал его даже тогда, когда прямо из школы ушел с Вадимом и Арсеном на вершину горы Машук. Вернулся оттуда с вечерними огнями на улицах, а родители лишь подивились тому. Зачем же сейчас эта тревога?

Не смея оправдываться ни в чем, Володя молча прошел к себе в комнатку и надолго притих в полном примирении со своей невеселой участью. Мама второй раз приказывала ему садиться за стол поесть («проголодался, небось!»), но он не откликнулся. Он не хотел есть. Ничего не хотел он в этот час: ни братья за учебники, ни дочитывать «Овода», ни включать телевизор. Нестерпимо желалось лишь одного: чтобы оставили его в покое.

Но ему не дали покоя. Родители, видимо, считали, что Володя давно уснул, и затеяли разговор, к которому не прислушаться было нельзя. Разговор о нем. О ком же другом, как не о нем?

— Не понимаешь ты, как в его возрасте трудно пережить такое, — сказал папа. — Вот мы с тобой, почти старики, а видишь — не смогли. Вернулись-таки. А чем нам там плохо жилось?

— Поздно ты образумился, — отозвалась мама. — Надо было об этом подумать еще на Колыме. А теперь за ним гляди да гляди.

Они умолкли. Но истинный смысл их беседы Володя понял. И понял с ошеломляющей ясностью. Как же тут было не вспомнить, что сказал ему тогда на прощанье Олег Иванович? «Жаль мне тебя, Володя! Знал бы ты, как жаль». Да он и в самом деле тогда этого не знал! Даже был удивлен тому, что тот сказал. А ведь добрый и хороший Олег Иванович, оказывается, сказал правду. Сушью правду. Разве можно было отрывать Володю от родных мест, от его школьных друзей, от всего того, что ему стало мило и дорого с детских лет? Придет время, и он обо всем затоскует, загрустит. Как бы далеко ни завезли его оттуда, где бы он ни оказался, куда бы ни забросила его судьба. Прав и папа: пережить это действительно трудно. Эх, как трудно! Боль в груди у Володи сейчас такая тяжкая, такая несносная, что он готов закричать. Неистово и иступленно — на весь дом, на весь город, на весь белый свет...

* * *

Совершить поход в горы было решено сразу же, как только наступили летние каникулы. Начал готовиться к нему и Володя. По совету Вадима и Арсена требовалось приобрести альпинистский костюм, рюкзак, само собой разумеется, взять добрый припас концентратов и консервов. Не мешало прихватить и деньги — они нужны для оплаты за ночлег на туристских базах, а может быть, и за проезд на автобусе по тем дорогам, по которым идти пешком не найдется ни времени, ни интереса.

Мама сияла. Она всей душой была за этот поход и теперь только и жила заботами по снаряжению Володи в дальний путь. Бедная мама! Как ей хотелось, чтобы он чем-то увлекся и опять настроился на прежний жизнерадостный лад! Когда-то она сама ходила в такой поход: бог ты мой, сколько там встретилось веселых и занятных приключений! Это, пожалуй, в ее жизни были самые счастливые дни.

— И у вас все сложится хорошо, —

не унималась она.— Жаль, фотоаппарата у тебя нет, уж так там красиво, так красиво! Чего стоит один вид на Домбайскую долину...

Согретый ее ласковой добротой, ее нежностью, Володя старался не омрачать ее больше ничем. Все и впрямь должно сложиться чудесно — к чему же ему отчаиваться, падать духом? Пройдут его грусть и тоска о родной стороне. Он попытается забыть о них, забыть ради одной мамы. Жаль становилось уже не себя, а маму.

Движимый этим чувством, Володя даже разрешил ей проводить его до перрона вокзала. Знал, что когда Вадим и Арсен завидят его рядом с мамой, начнут перемаргиваться и хихикать, но и намека не сделал, чтобы попрощаться с ней на пороге дома. Пусть они думают о нем, что хотят, а со своей мамой он не расстанется до последней минуты. Да она и сама не собиралась скоро покинуть его. Все же что-то чуяло ее сердце. Чуяло, чуяло...

* * *

На станции Минеральные Воды шумливая ватага юных туристов пересела в другой поезд. Братъ его им пришлось штурмом. То был московский поезд, и проводники долго упрямылись — не желали открыть двери общего вагона. Загружать его транзитными пассажирами они не находили смысла. Тем более, что ехать этой, на их взгляд, отпетой бражке, совсем недалеко.

Все скоро уладилось. Строгие проводники удовлетворились тем, что никто из ребят не потребует себе свободного места. Гораздо приятнее им будет стоять у окон — для кого как, а для них одно удовольствие стоять у этих окон и смотреть, как проносятся мимо телеграфные столбы, деревья, поля, незнакомые озера и речки.

Успел пристроиться у окна и Володя. Нашлась даже возможность высунуть из него голову, чтобы подставить лицо под буйную ласку встречного ветра. Ему ли, совсем недавно проехавшему с такой же стремительной скоростью полмира, было не узнать это счастье?

На этот раз Володя что-то не ощутил его. Чем дальше мчался поезд, таял и таял его интерес к тому, что вон, почти рядом, во всей своей солнечной яркости плывут и плывут по горизонту Кавказские горы, а на подступах к ним, как бы опережая поезд, бежит склон за склоном, один красивее другого — то в синем-пресинем, то в ярко-зеленом, то в серебристом, то в золотом цвету. Все его спутники, в том числе Вадим и Арсен, едва ли не замирали от восхищения, от того, что с каждой минутой открывалось перед глазами, а Володю, хотя и глядел он туда же, куда и они, не волновало ничего. На все глядел равнодушно и спокойно, как на все для его сердца далекое и чужое.

И вдруг он подумал: зачем же он едет туда? Ведь его нисколько не тянет в эти горы. Если на то пошло, в прошлом году он провел летние каникулы куда веселее. Больше месяца мчал их всем классом катер «Смелый» по головокружительным коловоротам разбушевавшейся Колымы. Белая буря ревущей за бортом воды не унималась до самой Зырянки,* а когда повернули обратно домой, знал бы кто, что делал их «Смелый!» Окутанный облаком радужных брызг, он прыгал с одного подводного камня на другой, как вихрь, и хоть холодела в жилах кровь при виде впереди нового порога, все встречали «его на палубе стоя, даже не держась друг за друга.

А потом они пошли на озеро Джека Лондона. На Колыме озер— тысячи, но ни одно из них не променять на это озеро. И дело не только в бесподобно красивых картинах его берегов, затянутых вечнозеленой лиственницей почти до конца разбега каждой волны. Оно еще было в жгучем интересе: почему это озеро названо именем Джека Лондона? Того самого писателя, от чьих книг невозможно было оторваться.

Эту загадку они так и не разгадали, но провели время на озере Джека Лондона чудесно. С таким изобилием рыбы в озере они еще не встречались. Не нужны были ни сетки, ни удочки — стоило лишь забрести в воду по колено и можно было наловить сколько угодно хариусов. И на уху, и на жаркое для всех.

Когда возвращались домой, взяли и свернули на перевал Подумай. И не пожалели. Целый день с замиранием сердца наблюдали, как съезжают с его скалистой крутизны грузовые автомашины. Перед таким спуском и впрямь требовалось подумать, но не похоже было, чтобы шоферы задумывались над чем-либо. Бывало, что машины срывались в пропасть тут же, как только она возникала у них под колесами.

А разве на том и кончилось колымское лето? Эге! Вадим и Арсен, к примеру, и представления не имеют о драге, а Володя избегал ее гремучие подмостки и палубы вдоль и поперек. Иной раз папа (он работал на ней мотористом) разрешал ему оставаться до конца своей смены — и какие это были для Володи счастливые ночи! У одного транспорта можно было простоять до самого рассвета. Вгрызаясь в озерный берег огромным ковшом, он так сотрясал драгу, что порой душа уходила в пятки. Привороживало Володины глаза решительно все, а особенно та, неимоверно тяжелая металлическая россыпь, которую время от времени выгребали из лотков промывочных машин. Никто не находил ей цены, так как это и было золото, настоящее червонное золото.

Избавиться от этих воспоминаний Володе не удавалось и тогда, когда он отошел от окна. Но что нужно было от него Вадиму? Оглянувшись и, прищурившись в усмешке, сказал. Сказал явно с расчетом, чтобы слышали все:

— Глядите, как заскучал Колыма! С чего бы?

Вероятно, это был предел. Под рукой у Володи оказалась чья-то бутылка с недопитым нарзаном — и она тотчас полетела в спину Вадима. Со всего маху, чтобы знал, гад, как дразнить его Колымой.

Не случись тут для ребят конечной остановки, наверное, произошло бы в вагоне невесть что. Но было уже не до того: надо было как можно быстрее расхватывать рюкзаки и сломя голову выбегать на перрон. Замешкайся на минуту, и поезд умчит тебя дальше — ему все равно, ему мало дела до всего того, что происходит в

его вагонах.

Кинулся на верхнюю полку за своим рюкзаком и Володя. Он уже потянул рукой за лямки и вдруг подумал: а что, если... Если на все махнуть рукой. Пусть поезд мчит его дальше. Ведь он тот же самый, который когда-то Володю привез. Коль привез, так теперь уноси его отсюда обратно.

Колебался Володя не долго. Мысль о немедленном возвращении на Колыму вмиг овладела всем его существом. Она вошла в его сознание, как что-то давно уже взлелеянное в затаенной мечте, как что-то давножданное. Он с таким легким сердцем пошел ей навстречу, что и не заметил, как прилег на верхней полке и уснул спокойно и крепко.

* * *

Дальняя дорога Володю не пугала. Она была ему знакома — это раз, второе — в рюкзаке у него, помимо всякой всячины, десять банок мясных консервов, а в тайном кармашке брюк — деньги. Что касается проездного билета, так кто его потребует у мальчишки? Проводникам же на их обычный вопрос: «С кем, хлопчик, едешь?» — будет отвечать, как отвечал раньше: «С мамой и папой».

Мало волновало Володю и то, что оставалось у него позади. О его побеге скоро не узнают. Ребята, с которыми он собрался идти в горы, посчитают, что после драки с Вадимом он вернулся домой, а дома — что он в этом походе. К тому времени, когда станет все ясным, когда, наконец, поймут, куда исчез Володя, он окажется так далеко, что его никто не найдет. К тому времени он уже будет если не на самой Колыме, то на борту парохода, подплывающего к ее берегам.

Надо бы радоваться тому, что-вот-вот он увидит заветный Казанский вокзал, тот самый вокзал, откуда как раз и начинается его настоящая дорога. Но радости этой не было. «Э, да плюнуть на все,— уговаривал он себя,— уеду, уеду, что бы ни случилось впереди». А где-то в сознании упрямо стучалось: «Нет, нет, никуда ты, Володя, дальше не уедешь!»

Однако долго размышлять об этом не пришлось: на поезд ярко пылающим заревом налетала Москва. В тихо дремлющем вагоне поднялся шум и началась суета. Да и самому Володе наступила пора стащить рюкзак вниз и привести себя в какой-то порядок.

* * *

Вот и Москва, вот и Казанский вокзал. А именно от него, от этого вокзала, и должна начаться у Володи заветная дорога. Ему ли, Володе, было не знать, не запомнить, где он вышел из вагона с папой и мамой на свое великое несчастье.

Теперь что? Теперь надо было купить билет с точным расчетом, чтобы денег хватило на пароход от бухты Находка до бухты Ногаево и на автобус от Магадана до Сусумана. А от Сусумана до прииска Медвежьего можно было дойти пешком.

Но кто это посмотрел на Володю таким строгим и испытующим взглядом? Куда бы он ни ходил по залам Казанского вокзала — в буфет, в туалет, в угол...